

УДК 373.167.1:811.161.1

О ПОДХОДАХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Зернецкая А.А.

*Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова,
г. Киев, Украина*

В статье рассматриваются различные подходы к формированию содержания коммуникативной компетенции, выводятся два типа информационных модулей содержания и один деятельностный

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, языковая компетенция, лингвистическая компетенция, пресуппозиционная компетенция, лингвистика речи, информационно-кодовая модель коммуникации, инференционная модель коммуникации, интеракционная модель коммуникации

Постановка проблемы. Коммуникативная компетенция (КК) является одним из основных понятий методики, обозначающее цель обучения и средство обучения [1]. Потенциально содержание компетенции закладывает в основные цели обучения формирование способности к общению во всех четырёх видах речевой деятельности. Цель статьи. Рассмотреть подходы к формированию содержания коммуникативной компетенции.

В научный обиход понятие и термин «коммуникативная компетенция» были введены в начале шестидесятых годов и первоначально разрабатывалась в рамках генеративной лингвистики. Было выдвинуто несколько фундаментальных противопоставлений, где четко различаются «компетенция» – знание языка (competence) и «употребление» – использование языка в речевой деятельности (performance) [12]. Появилось понятие «языковой компетенции» как формализованные знания единиц и форм этих единиц системы языка для формирования синтаксических поверхностных и глубинных конструкций. Семантика и фонология, по мнению генеративистов, выполняют по отношению к синтаксису интерпретирующие функции. Однако позже даже автор отказывается от формулировки «языковая компетенция»: «реальное использование языка не является простым отражением внутренних связей между звуком и значением, устанавливаемых системой языковых правил» [11, с. 115-116]. Этим использованием управляют экстралингвистические убеждения и знания носителя языка, а также когнитивные структуры человеческого мышления, тем самым и сказываясь на соотношении речи и ее значения.

Постепенно на смену формализму в интерпретации речи и речевых процессов приходит функционализм [13]. В теориях копенгагенской школы, дескриптивизма, гагеменики формалистичность идет на убывание. Функционализм, несмотря на то, что является наследием структурализма, воплощает идею значимости в терминах «ролей». Исполнителями этих ролей бывают: люди (коммуникативный функционализм) или части выражения (формальный функционализм, воплощенный в различных формальных

описаниях языка и речи). Граматики данного типа рассматривают в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций; при описании языкового материала используется направление от функций к средствам как основное, определяющее построение грамматики в сочетании с направлением от средств к функциям. «Двусторонний подход к описанию функций языковых средств обусловлен: 1) тем фактом, что определенная функция может быть реализована разными языковыми средствами, и, с другой стороны, одно и то же средство может обладать и обычно обладает разными функциями (ср. выдвинутый С.О. Карцевским принцип «асимметричного дуализма языкового знака» [4]); 2) необходимостью учета, с одной стороны, многообразия языковых значений, а с другой – многообразия формальных средств; 3) существенностью обоих подходов для моделирования мыслительно-речевой деятельности говорящего и слушающего; в частности, принимается во внимание актуальность для говорящего: а) направления от смысла, формирующегося при опоре на внутриречевые структуры, к внешним средствам его выражения; б) владения функциональным потенциалом каждого из языковых средств; учитывается также, что позиции говорящего и слушающего в речи постоянно взаимодействуют, причем для слушающего актуально не только направление от формальных средств к их значениям и вытекающему из контекста и речевой ситуации смыслу, но и активное восприятие деятельности говорящего, невозможное без владения процессами, направленными от смысла к средствам его выражения» [6].

Таким образом, порожденная еще глоссемантикой дихотомия «язык – речь», пройдя несколько этапов и подходов осмысления, выкристаллизовалась в некое понятие *лингвистики речи*, объектом изучения которой являются правила построения связной речи и ее смысловые категории, выражаемые по этим правилам. Правила построения связной речи не основываются на явлениях языка, сведенным в так называемой системе языка.

Разработки в этой области позже нашли применение в таких разных направлениях научно-практического знания, как математическая лингвистика, лингвистика текста, дискурс-анализ. В когнитивном направлении исследования лингвистики речи и общения породили три модели коммуникации [20, с. 386], в соответствии с которыми определяются важные и для нашего исследования категории коммуникации и информации.

Информационно-кодовая модель коммуникации во главу угла ставит информацию, которая кодируется отправителем и декодируется получателем. Оба участника коммуникации владеют знаниями кода и соответствующей ему информации [19] для одинакового понимания. Но существует определенное различие между тем, что сообщается намеренно закодированное в соответствии с интенцией автора [*goal-directed* – 16], и тем, что может быть воспринято независимо от того, хотел этого говорящий или нет [20, с. 392].

Очевидность неадекватности кодовой модели в объяснении проблем семантико-прагматического характера стимулировали развитие *инференционной модели коммуникации* [15; ср.: *sequential inferential theory* – 18]. В основе этой модели лежит принцип выводимости знания в соответствии с инференционными правилами, которые являются компонентом «общего знания» наряду с правилами языкового кода.

«Иницирует процесс общения не желание человека передать «мысль» или *информацию*, а его желание сделать свои *интенции* понятными другим. Речевые средства для выражения намерений – это *высказывания*. Их содержание не ограничено (в отличие от

кодовой модели) репрезентативными сообщениями о положении дел, они могут выражать, например, эмоции. Интенции сами по себе совсем не пропозициональны, по своей природе они сродни установкам или мотивам. Но содержание высказываний или *сообщение* (*message*) пропозиционально. Интенции определяют, как должно пониматься данное, пропозициональное содержание. Кодовая модель укоренилась в научном и обыденном сознании. Инференционная модель появилась не так давно, но хорошо воспринимается на уровне «здравого смысла» [7, с. 22].

Одной из версий инференционной модели является трактовка всех кодов как набор общих для адресанта и реципиента конвенций. А участники коммуникации выводят сообщение из знания конвенций, сигнала и контекста.

Очевидно, что кодирование/декодирование и инференция различные, дополняющие друг друга процессы. А отдельно взятые, они не могут объяснить феномена речевого общения.

Третьей моделью является интеракционная модель коммуникации, для которой основополагающим является взаимодействие коммуникантов, помещенное в социально-культурные условия ситуации. Именно коммуникативно обусловленная социальная практика объясняет формирование и трансформации смыслов в общении «Коммуникация происходит не как *трансляция информации* и *манifestация намерения*, а как *демонстрация смыслов*, отнюдь не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом» [7, с. 24]. Коммуникация рассматриваемая в рамках данной модели, как любая форма поведения – действие, бездействие, речь, молчание [о молчании см.: Богданов; Крестинский; Tannen, Saville-Troike; Jaworski], при определенных условиях может оказаться коммуникативно значимой. Более того, учитывая все «демонстрации», реципиент может вывести смыслы, не заложенные автором речи, как это часто встречается в жизни. По мнению Э. Гоффмана [14; 20, с. 398], при коммуникации сообщается 2 типа информации: открытая, «преднамеренная» (*information given*), и скрытая, «непреднамеренная» (*information given-off*). Первый тип информации формируется говорящим (отбор смыслов, формализация/кодирование, изложение в соответствии со своими интенциями), объем и качество информации второго типа вычленяется реципиентом, в зависимости от целого ряда интеллектуальных, моральных и психологических качеств, которыми он обладает, а также способности к интерпретации. Именно интерпретация и становится в интеракционной модели критерием успешности и главным предназначением коммуникации в отличие от распространенного представления ее основной функции как «достижения взаимного понимания». Учет невербальных аспектов коммуникации, использование социально-культурного контекста требует больших «фоновых знаний», конвенциональных по своей природе, но не поддающихся алгоритмизации в той же степени, как и коды языка.

Как уже отмечалось, на основании описанных моделей коммуникации сформулированы два общетеоретических подхода к проблеме информации и коммуникации [17], один из которых главную роль отводит информации, второй, соответственно, коммуникации. Приоритет информации, в первом случае объясняется тем, что ее способность когнитивно запечатлевать реальный мир делает ее целью, содержанием и конституентом коммуникации. Приоритетная роль коммуникации в соответствующем подходе отводится на основании конститутивности деятельности (в том числе и коммуникативной) человека, в результате и благодаря чему информация о

О ПОДХОДАХ К МОДЕЛИРОВАНИЮ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

мире перестает быть «вещью в себе» и приобретает социальную и жизненную ценность, значимость, очевидность, известность [3, с. 5].

Очевидно, истина, как всегда, где-то посередине, т. к. «языковые и неязыковые знания неизбежно взаимодействуют и оказываются практически неразличимыми, сливаясь в одно «речемыслительное» или «речесмысловое» единство» [5], «язык-речь» предстает «как двуединый процесс отражения-коммуникации» [10, с. 465]. Информация, задействованная в этом процессе как одна из коммуникативнообразующих конвенций, существует в виде экстралингвистической **пресуппозиции коммуникантов**.

Изложенные взгляды на содержание коммуникации как самостоятельной деятельности не определяют место и содержание действия, производимым с материальной частью речевого акта или дискурса. Рассматривая дихотомии «язык – речь», «язык – мышление», «информация – коммуникация» и т.п., априори предполагалось, что, как минимум, говорящий произносит «определенные звуки определенных слов» [8] на языке, известном собеседнику, без критических для целостного восприятия звукового сигнала искажений в произношении, с корректным интонационным оформлением и в приемлемом темпе; что слушающий владеет навыками аудирования и различает слова данного типа произношения и темпа; что пишущий корректно графически оформляет свои мысли; а читающий не только в состоянии воспринять образ слова в тексте для дальнейшей его когнитивной обработки, но и владеет навыками распознавания структур письменных дискурсов. Материализация мысли в звуках или графемах, восприятие звуков или графем как материального носителя мысли – есть отдельная деятельность, также предполагающая набор знаний и умений реализовать эти знания в действия. Способ передачи/восприятия речевой информации представляет собой отдельный вид речевой деятельности, который является конституирующим фактором для локутивного и перлокутивного актов.

Выводы. Принимая во внимание все вышесказанное, можно сделать заключение, что для того, чтобы коммуникация состоялась на том или ином уровне, любой говорящий/слушающий, включаясь в «языковые игры» [2], должен быть компетентен в лингвистике речи, в пресуппозиционной информации, в действиях (когнитивных и психофизиологических) с материализованными знаками второй сигнальной системы. Быть компетентным в какой-либо области это значит владеть достаточным/необходимым объемом знаний в этой области и уметь совершать с этими знаниями действия в определенных целях и по определенным правилам.

Именно при таком подходе КК можно рассматривать как *опыт*, дающий постоянное изменение поведения (в нашем случае – речевой деятельности в процессе вербальной коммуникации) и потенциальную возможность такого изменения [9]. Построение модели КК позволит создавать любые учебные средства включая и поддерживаемые компьютером.

Список литературы

1. Вятютнев М. Н. Теория учебника русского языка как иностранного (методические основы). – М.: Рус. яз., 1984. – 144 с.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Избр. философские работы – М., 1994. – Ч. 1. – 365 с.
3. Дридзе Т. М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. – М., 1984. – 285 с.

4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1965. – 3-е изд. – Ч. 2. – С. 85-93
5. Каминская Э. Е. Внутренние контексты интерпретации: психолингвистический подход // Вестник Новгородского государственного университета – С. –1998, № 4 – С. 28-36.
6. Лингвистический энциклопедический словарь /Гл. ред. В. Н. Яреца,– М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 565-566.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.– 280 с.
8. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 17. Теория речевых актов. Сборник. – М.: Прогресс, 1986. – С. 22-129
9. Хегенхан Б., Олсон М. Теории научения. – 6-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 474 с.
10. Щедровицкий Г. П. Избранные труды. – М., 1995. – 347 с
11. Chomsky N. 1972b - Language and mind. – Enlarged ed-n. – N Y. etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. 194 p.
12. Chomsky 1973 – Chomsky N. Conditions on transformations // Festschrift for Morris Halle. – N. Y.: Holt, Rinehart & Winston, 1975. – P. 232-286.
13. Dirven, Fried 1987 – Dirven R., Fried V. By way of introduction // Functionalism in linguistics. – A.; Ph.: Benjamins, 1987.
14. Goffinan E. The Presentation of Self in Everyday Life. – New York, 1959
15. Grice H. P. Further notes on logic and conversation // Syntax and Semantics. – Vol. 9: Pragmatics. – New York, 1978. – P. 113- 127.
16. Mackay D. Formal analysis of communication processes // Nonverbal Communication. – Cambridge. 1972. – P. 3-26.
17. Mokros H. B. Introduction: From information and behavior to interaction and identity // Interaction and Identity: Information and Behavior. – Vol. 5. – London, 1996. – P. 1-22.
18. Sanders R. E. The sequential inferential theories of Sanders and Gottman // Watershed Research Traditions in Human Communication Theory. – Albany, 1995. – P. 101-136.
19. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana, 1949. – 286 p.
20. Schiffrin D. Approaches to Discourse. – Oxford; Cambridge, MA, 1994. – 420 p.

Зернецка А.А. ПРО ПІДХОДИ ДО МОДЕЛЮВАННЯ ЗМІСТУ КОМУНІКАТИВНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ

У статті розглядаються різні підходи до формування змісту комунікативної компетенції, виводяться два типи інформаційних модулів змісту і один діяльнісний.

***Ключові слова:** комунікативна компетенція, мовна компетенція, лінгвістична компетенція, пресупозиційна компетенція, лінгвістика мови, інформаційно-кодова модель комунікації, інференційна модель комунікації, інтеракційна модель комунікації*

Zernetska A.A. ABOUT APPROACHES TO THE DESIGN OF MAINTENANCE OF COMMUNICATIVE COMPETENCE

There are different forming approaches of maintenance of communicative competence examined and two types of the informative modules of maintenance and one action formulated

***Key words:** communicative competence, linguistic competence, linguistic competence, presupposition competence, linguistics of speech, informatively-code model of communication, inferential model of communication, interactive model of communication*

Поступила в редакцію 28.03.2007 г.